

РЕГИОН КАК «ДВОЙНАЯ ПЕРИФЕРИЯ» (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА)

Антон КИРЕЕВ
Дальневосточный федеральный университет

Аннотация: Изучение «двойных периферий» является одним из новых направлений центр-периферийных исследований, становление которого осложняется сегодня рядом трудностей методологического порядка. К их числу относятся вопросы концептуализации и эмпирической интерпретации «двойной периферии» как научного понятия. На материале российского Дальнего Востока в статье предпринимается попытка методологически обоснованной идентификации конкретной двойной периферии. На основе результатов современных центр-периферийных исследований автором предлагается рабочее определение двойной периферии, исходя из которого выделяются статистические показатели, необходимые для оценки принадлежности социально-географического объекта к перифериям названного типа. Опираясь на сравнительно-исторический анализ количественных данных о состоянии общественного потенциала российского Дальнего Востока в 1990–2020 гг. и динамике его торговых, инвестиционных и миграционных связей, автор фиксирует сложившуюся в постсоветский период двойную периферийность макрорегиона в отношении стран СВА-3 (Китай, Япония, Республика Корея) и России, наиболее определенно проявляющуюся в таких сферах, как вывоз товаров и выездной туризм. В заключении статьи намечаются возможные пути политического стимулирования социально-экономического развития дальневосточного макрорегиона в условиях объективных ограничений, задаваемых его периферийным положением. Сделан вывод о необходимости перехода от проводившейся с начала 2010-х гг. селективной политики локальных предпочтений к площадному плану освоению Дальнего Востока на основе введения на территории ДФО особого режима управления.

Ключевые слова: центр-периферийные отношения, двойная периферия, региональное развитие, региональная политика, граница, трансграничные отношения, российский Дальний Восток, Северо-Восточная Азия

Антон Александрович Киреев – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Дальневосточный федеральный университет.
ORCID: 0000-0003-0274-4030. E-mail: antalkir@yandex.ru
690922, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.

Поступила в редакцию: 22.02.2024

Принята к публикации: 16.06.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Термин «двойная периферия», появившийся в российских научных публикациях с начала 2000-х гг.¹, получает все более широкое и мультидисциплинарное употребление. И, как это нередко происходит в процессе распространения любого термина, его значение постепенно размывается. Крайним проявлением этой тенденции является превращение «двойной периферии» в экспертном и политическом дискурсе в клишированный образ, выражающий особенно высокую степень маргинализации определенной территории или экстерриториального объекта².

Впрочем, происходящее размывание значения термина «двойная периферия» нельзя объяснить только его использованием в риторических целях. Главной предпосылкой к этому выступает объективная сложность самого феномена «периферийности», многообразие его конкретных проявлений. В условиях такого многообразия исследователи как в России, так и за рубежом фокусируются на существенно различающихся формах «двойной периферийности», под общим терминологическим обозначением подразумевая фактически несовпадающие понятия.

Так, в рамках регионоведения на сегодня наметились по меньшей мере три возможных трактовки «двойной периферийности» регионов различного уровня и типа. Согласно первой из них, двойной периферией регион становится в результате взаимоналожения и кумуляции двух (или более) разновидностей пространственной стратификации между ним и «центром» (Межевич & Болотов, 2021; Mikhailova & Wu, 2022). Исследователи, придерживающиеся второй трактовки, исходят из того, что отношения центра и периферии могут быть не только многомерными, но и многоуровневыми, опосредованными субцентрами. В такой ситуации двойной периферийностью характеризуется периферия субцентра, или, иными словами, периферия второго уровня (Мкртчян & Карачурина, 2014; Миньяр-Белоручев, 2019). В соответствии с третьей трактовкой двойная периферийность региона задана существованием двух (или более) внеположенных центров, в той или иной зависимости от которых данный регион одновременно находится (Федоров, 2010; Kuhrt, 2012; Ильин & Барсукова, 2019).

Не отрицая значимости других толкований «двойной периферии», каждое из которых, по существу, служит основой для самостоятельного направления исследований, автор считает третью трактовку данного явления наиболее актуальной и перспективной для отечественного регионоведения.

¹ Первой известной автору отечественной публикацией, содержащей данный термин, была статья Н.В. Смородиной «Калининград в условиях объединения Европы: вызов и ответ». В ней рассматривались проблемы воздействия европейских интеграционных процессов на западное порубежье России. См. Смородиная, 2001.

² Острякова Е. (2022) Антироссийский демарш «вахтерши ЕС» по шенгенским визам не нашел поддержки. *Политнавигатор*. Available at: <https://www.politnavigator.net/antirossijskij-demarsh-vakhtershi-es-po-shengenskim-vizam-ne-nasel-podderzhki.html> (дата обращения: 12.12.2023).

Очерченная ею предметная область выходит за пределы исходной для центр-периферийного подхода интраграницной тематики, включая в себя интенсивно разрабатываемый в последние десятилетия комплекс проблем государственных границ, пограничий и трансграничных отношений. С этой предметной областью неразрывно связана и пронизывающая все современное общественное сознание проблематика международной интеграции, регионализации и регионализма (Börzel & Risse-Kappen, 2016).

Как в российских, так и в зарубежных публикациях термин «двойная периферия» в рассматриваемой трактовке чаще всего используется применительно к западному пограничью России, к регионам, сопредельным со странами ЕС (Ильин & Барсукова, 2019; Gower, 2000). При этом первоочередное внимание среди них привлекает к себе Калининградская область (Сморodinская, 2001; Zverev, 2007). Однако, по крайней мере не меньшую методологическую ценность данное понятие может иметь при изучении регионов азиатской части страны. Особый интерес с этой точки зрения представляет российский Дальний Восток (далее – РДВ)³, находящийся в сфере трансграничного влияния субглобального Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и уже на протяжении более 30 лет вовлеченный в весьма противоречивые по своей динамике и результатам интеграционные процессы. Первые случаи описания территорий РДВ в качестве «двойной периферии» относятся еще к концу 2000-х гг.⁴ Тем не менее специальных исследований, в которых бы обосновывалась возможность приложения этого понятия к дальневосточному макрорегиону, до сих пор не предпринималось.

Целью настоящего исследования является проверка соответствия состояния и отношений дальневосточного макрорегиона России в постсоветский период его истории (1990–2010 гг.) содержанию понятия «двойная периферия». Достижение заявленной цели требует решения трех основных задач: 1) уточнения определения «двойной периферии» в указанном ранее значении этого термина; 2) эмпирической интерпретации этого определения и выделения выражающих его существенное содержание измеримых показателей; 3) оценки на основе сравнительно-исторического анализа выделенных показателей меры «двойной периферийности» РДВ в изучаемый период.

³ В данной статье под российским Дальним Востоком понимается территория Дальневосточного федерального округа (ДФО) в границах, установленных в ноябре 2018 г.

⁴ Так, о рисках «двойной периферийности» одного из регионов РДВ упоминалось в принятой в 2009 г. Стратегии социального и экономического развития Хабаровского края на период до 2025 года. См. *Официальный интернет-портал правовой информации* (n.d.) О стратегии социального и экономического развития Хабаровского края на период до 2025 года. Available at: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=180022887&page=1&rdk=1&ysclid=m1g6l8t07s198254987#10 (дата обращения: 20.09.2024). Одним из первых примеров употребления этого термина исследователями РДВ было выступление директора Тихоокеанского центра стратегических разработок М.В. Терского. См. Эксперт: Владивосток находится в ситуации двойной периферии как для России, так и для стран Азиатско-Тихоокеанского региона (2012) ДВ-РОСС, 2 октября. Available at: <http://trud-ost.ru/?p=154792&ysclid=lxfxao0xee812031788> (дата обращения: 20.09.2024).

Определение понятия «двойная периферия»

Исследователи, использующие понятие «двойная периферия» в интересующем нас значении, как правило, не формулируют четких определений, ограничиваясь фиксацией тех или иных признаков этого явления. Такие признаки обычно извлекаются из более общего понятия «периферия», различные описания и дефиниции которого разрабатывались в социологических и экономических центр-периферийных концепциях с середины XX в. (Kaps & Komlosy, 2013; Lang, Henn, Sgibnev & Ehrlich, 2015).

Одним из основных признаков «периферии», акцентируемом в особенности в либеральной (позитивистской) парадигме ее изучения⁵, выступает отсталость периферийной территории, ее неравенство «центру» по уровню своего социально-экономического, и шире – общественного, развития, по какой бы конкретной шкале этот уровень не измерялся. Именно отсталость, понимаемая как исходная данность, рассматривается в этой парадигме как объективный источник «периферийности» страны или региона. При этом в отношениях, возникающих между центром и периферией (торговых, инвестиционных, миграционных) видится механизм модернизации последней, т.е. постепенного сокращения дистанции в уровнях развития между ней и центром (Friedmann, 1996; Hägerstrand, 1967).

Другим ключевым признаком «периферии», фундаментальная роль которого наиболее активно подчеркивается представителями неомарксизма⁶, является зависимость, обусловленность динамики и самого существования периферии динамикой и интересами господствующего над ней центра. В свете этой парадигмы положение периферии оказывается не данностью, но результатом самих центр-периферийных отношений, имеющих неэквивалентный, эксплуататорский характер и тормозящих развитие одной из сторон (Wallerstein, 1997; Chilcote, 2019).

В современных центр-периферийных исследованиях либеральный и неомарксистский подходы редко прямо противопоставляются друг другу и все чаще соединяются в той или иной комбинации. В основе такой тенденции лежат обнаруженные за десятилетия этих исследований огромное разнообразие периферий и вариативность факторов и путей их возникновения и развития (Kaps & Komlosy, 2013). Сегодня представляется уже достаточно очевидным, что и отсталость как выражение внутренних параметров социально-географического объекта, сравнительной величины его общественного потенциала и зависимость как характеристика позиции этого объекта в структуре внешних отношений, направления и силы его связей с другими социально-географическими объектами – это равно и взаимно необходимые

⁵ Традиции этой парадигмы в центр-периферийных исследованиях продолжают представители транснационализма, неофункционализма, неоклассической и институциональной экономической науки.

⁶ К марксистской парадигме тяготеют теория зависимости, мир-системный анализ, историческая макросоциология и различные течения радикальной политической экономии.

составляющие феномена «периферии»; поэтому крайне важно, чтобы они обе были отражены в любом определении общего понятия «периферия», а также в определениях его типологических разновидностей.

Следует отметить, что и отсталость, и зависимость как основные, сущностные признаки всякой периферии сами по себе не определяют количество центров, в сравнении с которыми может быть отсталой или в отношении с которыми может быть зависимой данная периферия. Теоретически, в число таких центров могут входить все социально-географические объекты (страны, регионы, поселения), чей общественный (социально-экономический) потенциал по какому-либо параметру превосходит потенциал данного объекта. Отсюда вытекает вероятность существования типов периферий с одним, двумя, тремя и более центрами. Общим условием наличия у периферии не одного, а двух (или более) центров является сопоставимость последних по интенсивности связей с периферийной территорией.

Сказанное выше позволяет сформулировать предварительное, рабочее определение понятия «двойная периферия». В соответствии с ним «двойная периферия» – это социально-географический объект, в существенной мере отстающий по величине своего общественного потенциала от двух (или более) других социально-экономических объектов и на этой основе связанный с ними устойчивыми и значимыми в масштабе его потенциала отношениями зависимости.

Эмпирические показатели «периферийности»

Исследователи, изучающие различные «двойные периферии», нечасто обращаются для их идентификации к каким-либо точным, количественным показателям (Зотова, Себенцов & Головина, 2015). Если же подобные показатели используются, то их набор обычно не опирается на ясно выраженное определение «двойной периферии», а значит по существу является произвольным. Отчасти это положение обусловлено общим состоянием современных исследований центров и периферий, где на базе многих концепций и подходов сложился целый спектр методик выявления изучаемых ими объектов. В совокупности эти методики предлагают на выбор десятки эмпирических индикаторов периферийности и центральности (Анохин & Кузин, 2019; Преображенский, 2016).

Вместе с тем обилие приводимых количественных показателей как таковое не сообщает идентификации двойной периферии достаточной обоснованности. Обоснованность обеспечивается способностью показателей выражать сущностные признаки изучаемого явления, поэтому так важно установить логическую связь между применяемыми эмпирическими показателями и содержанием понятия «двойная периферия».

Учитывая, что в представленном выше определении были выделены две основных характеристики «двойной периферии», – отсталость, с точки зрения сравнительной величины общественного потенциала, и зависимость,

с точки зрения относительной интенсивности взаимодействия с центрами, – конкретизирующие это понятие показатели также требуется разделить на две соответствующие группы.

Оценка меры отсталости региона может осуществляться множеством способов. Главной проблемой при этом является достижение полноты и точности эмпирического описания его общественного потенциала, т.е. совокупности всех типов ресурсов, вовлеченных в текущее функционирование и воспроизводство региональной системы. Иными словами, оценка отсталости региона требует использования интегрального по охвату показателя, величина которого отвечала бы критериям однозначности и сопоставимости.

Названным требованиям наиболее близко соответствует показатель величины валового продукта. Несмотря на ряд свойственных ему недостатков, из-за отсутствия столь же доступных и удобных альтернатив, ВРП (ВВП) остается самым распространенным средством сравнения уровней общественных потенциалов регионов и стран (Кузнецова & Кузнецов, 2016).

Для оценки сравнительного уровня развития стран и регионов особенно широко используется величина душевого валового продукта (Зотова, Себенцов & Головина, 2015; Barbero & Rodríguez-Crespo, 2022). Вместе с тем его пригодность для масштабных географических сопоставлений, в особенности применительно к России с ее резкими межрегиональными перепадами в плотности населения, сомнительна. В результате обращения к этому показателю существенно повышается «центральность» многих ресурсодобывающих регионов позднего освоения⁷, а их малонаселенность, по сути, становится важным социально-экономическим преимуществом (Чернова, 2013: 129). Кроме того, следует учитывать, что численность населения – это относительно изменчивая, эндогенная переменная, колебание значений которой тесно увязано с динамикой самого валового продукта.

Более приемлемой базой для определения сравнительного уровня потенциалов регионов может служить величина их площади. Показатели площади, как правило, достаточно устойчивы и экзогенны по отношению к общественной деятельности. Вычисляемые на их основе значения экономической плотности (ВРП на км²) обычно хорошо согласуются с исторической последовательностью освоения разных территорий.

Оценки периферийности, получаемые с помощью удельных показателей валового продукта, носят крайне общий, огрубленный характер, поэтому их приходится дополнять и уточнять посредством структурных индикаторов развития (Котляков, Швецов & Глезер, 2020: 157–164). Зачастую для этой цели применяют те или иные показатели отраслевой структуры экономики регионов. Вместе с тем такие показатели скорее подходят для детального анализа типологического разнообразия периферий и центров, нежели для собственно их выявления, сравнения и первичной дифференциации – этой задаче лучше

⁷ Следует отметить, что по душевому ВРП РДВ в 1990 и в 2020 гг. превосходил среднероссийские показатели.

отвечают показатели укрупненной факторной структуры общественного потенциала, фиксирующие ту роль, которую выполняют в его формировании природные ресурсы, население, капитал и технологии. Величины указанных факторов также могут быть взвешены относительно площади изучаемых территорий.

Оценки общественного потенциала позволяют, строго говоря, выявить только возможность периферийности региона, обусловленную его относительной отсталостью. Для того чтобы констатировать реализацию этой возможности, необходимо обнаружить зависимость, связывающую предполагаемую периферию с некоторым центром (центрами). Решение этой задачи требует использования различных показателей центр-периферийных отношений (Гусев, 2011).

Материальные потоки, соединяющие периферию и центр, можно охарактеризовать с точки зрения их абсолютного и относительного объема (физического и стоимостного), географической и внутренней (содержательной) структуры, темпов роста и т.д. По своему составу и форме центр-периферийные отношения, включающие спектр товарных, инвестиционных, миграционных, информационных и иных потоков, чрезвычайно вариативны. Тем не менее ключевое значение для идентификации периферийного положения территории имеют два показателя. Первым из них является отношение (удельный вес) объема потока (ввоза, вывоза или оборота) определенного типа ресурсов к величине общественного потенциала региона (ВРП). Этот показатель выражает общую меру зависимости развития данного региона от динамики его внешних контрагентов. Вторым показателем служит доля каждого из этих контрагентов в совокупном объеме потока ресурсов изучаемого типа. Сравнение значений данного показателя может быть основанием для определения количества «центров», с которыми выделенная периферия связана отношениями зависимости.

Интра- и трансграничная периферийность РДВ в долгосрочной перспективе (1990–2020 гг.)

Формирование периферийного положения региона, установление отношений его зависимости от внешних центров – это, как правило, исторически длительные процессы. Периферийность РДВ уходит корнями в почти четырехвековую историю его заселения и освоения. Тем не менее предметом интереса настоящего исследования является прежде всего постсоветский период, когда в результате радикального пересмотра государственной региональной и пограничной политики на рубеже 1980–1990-х гг. дальневосточный макрорегион вновь стал активным участником социально-экономического взаимодействия не только национального, но и международного уровня (Трейвиш & Литвиненко, 2014: 54).

Для общей характеристики последствий «открытия границ» РДВ сравним уровни развития общественных потенциалов (выраженные в показателях экономической плотности) макрорегиона, России и трех стран СВА (Китай,

Республика Корея (РК) и Япония⁸) в 1990 и 2020 гг. Как следует из значений в Таблице 1, отставание РДВ от России и международных контрагентов, имевшее место уже в 1990 г., к 2020 г. только усилилось⁹. Наиболее стремительно с 1990 по 2020 гг. увеличивалась дистанция в уровнях развития между РДВ и Китаем. В итоге на 2020 г. величина отставания РДВ по плотности валового продукта от среднероссийского уровня составила 7,6 раз, а от стран СВА-3 – от 130 до 1 406 раз.

Таблица 1. Показатели общественного потенциала РДВ, России, Китая, РК и Японии в 1990 и 2020 гг.¹⁰

Table 1. Indicators of the social potential of the Russian Far East, Russia, China, the Republic of Korea and Japan in 1990 and 2020

Показатели	1990					2020				
	РДВ	Россия	Китай	РК	Япония	РДВ	Россия	Китай	РК	Япония
Плотность ВРП (ВВП), тыс. долл. на км ²	5,74*	31,53	38,28	2937,67	8592,48	11,94	90,88	1558,42	16795,49	13827,46
Плотность населения, чел. на км ²	1,3	9,03	120,45	444,43	338,67	0,99	8,8	149,72	531,54	346,39
Плотность инвестиций в основной капитал, тыс. долл. на км ²	5,29	9,05	9,18	1096,72	3054,5	3,07	19,58	662,11	5225,61	3507,2
Плотность внутренних затрат на НИР, тыс. долл. на км ²	0,02	0,6	0,29	58,79	228,73	0,04	1	37,42	808,7	452,85

Примечание: * – данные за 1992 г.

Прояснить внутренний механизм в целом усилившегося за 1990–2020 гг. отставания РДВ в уровне общественного развития и от России, и от азиатских соседей позволяет сравнение показателей плотности таких факторов этого развития, как человеческие ресурсы, инвестиции и технологии (см. Таблицу 1). Из них приоритетное внимание исследователей РДВ, как правило, привлекает демографический фактор. Действительно, с 1990 по 2020 гг. плотность населения в макрорегионе сократилась на треть – с 1,3 до 0,99 чел. на км². Де-

⁸ В экономической литературе, посвященной проблемам РДВ, Китай, Республика Корея и Япония часто фигурируют под общим наименованием «большой тройки СВА» или «СВА-3». Тем самым подчеркивается, с одной стороны, ведущее положение этих трех стран в экономической жизни СВА в целом, а с другой, устойчиво принадлежащая им роль главных внешнеторговых контрагентов РДВ. См., например, Минакир, 2022.

⁹ Исключением из этой тенденции стала Япония.

¹⁰ Источник: составлено автором по данным Регионы России. Социально-экономические показатели (2021) М.; ЕМИСС (n.d.) Инвестиции в основной капитал по источникам финансирования. Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/33644> (дата обращения: 20.09.2024); The World Bank (n.d.) Available at: <https://data.worldbank.org/indicator> (accessed 20 September 2024); OECD Data (n.d.) Gross domestic spending on R&D. Available at: <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm> (accessed 20 September 2024); Гордиенко Д.В., Лузянин С.Г. (2014) *Оценка уровня экономической безопасности приграничных дальневосточных регионов Российской Федерации. Сводный аналитический доклад*. М.: ИДВ РАН; Минакир, 2006.

мографический спад в общенациональном масштабе был не столь глубоким, в результате чего разница между среднероссийской плотностью населения и дальневосточной увеличилась. Еще более заметно в изучаемый период возрос демографический градиент между РДВ и СВА-3: к 2020 г. Китай, Япония и РК превосходили макрорегион по плотности населения в диапазоне от 151 до 537 раз.

Очевидно, что снижающаяся плотность населения является ограничителем социально-экономического развития РДВ и важным фактором его прогрессирующей периферийности, однако более весомым фактором «периферизации» РДВ в 1990–2020 гг. был недостаток капитальных вложений. Плотность инвестиций в основной капитал макрорегиона с 1990 по 2020 гг. уменьшилась более чем на 40%. В итоге, к 2020 г. разрыв по этому показателю между РДВ и другими объектами сравнения увеличился особенно ощутимо: с Японией – в 2 раза, с Россией – в 3,7 раза, с РК – в 8,2 раза, с Китаем – в 124,3 раза. В 2020 г. по плотности инвестиций в основной капитал РДВ уступал России в 6,4 раза, Китаю – в 215,7 раза, Японии – в 1 142,4 раза, а РК – в 1 702,1 раза.

На фоне других факторов общественного потенциала, динамика состояния технологической базы макрорегиона выглядит более позитивной. Плотность затрат на НИР на РДВ с 1990 по 2020 гг. удвоилась, что, в частности позволило несколько сократить отставание макрорегиона по данному показателю от России и Японии. Тем не менее в абсолютных величинах роль научных исследований и разработок в производственном и, в конечном счете, общественном потенциале РДВ остается ничтожной. Масштабы отставания РДВ по плотности затрат на НИР от России (в 25 раз), Китая (в 935,5 раз), Японии (в 1 1321,2 раз) и РК (в 20 217,5 раз) по-прежнему огромны.

Оценки общественного потенциала и его основных факторов указывают на усиливавшееся (в демографической и инвестиционной области) или непреодоленное (в технологической сфере) в постсоветский период отставание дальневосточного макрорегиона относительно России и в особенности стран «большой тройки» СВА. Вместе с тем они не раскрывают характера социально-экономических отношений, сложившихся в этот период между РДВ, другими макрорегионами России и азиатскими соседями.

Наиболее содержательной формой этих отношений, оказывавшей самое мощное воздействие на развитие РДВ, на протяжении всего рассматриваемого периода была торговля. В этой связи особое значение для определения модели периферийности РДВ имеет анализ географической структуры дальневосточной торговли и прежде всего соотношения международного и межрегионального компонентов вывоза макрорегиона. Как показывает Таблица 2, доля экспорта в ВРП РДВ, в 1990 г. составлявшая около 6% (Минакир, 2006: 446), в последующие годы устойчиво росла, во втором десятилетии XXI в. достигнув трети величины макрорегионального продукта (32%). При этом большая часть дальневосточного экспорта (около четверти ВРП в 2011–2020 гг.) приходилась на страны СВА-3.

**Таблица 2. Динамика средней доли экспорта в ВРП РДВ
в 1996–2020 гг., по пятилетиям, %¹¹**

*Table 2. Dynamics of the average share of exports
in the GRP of the RFE in 1996–2020, by five years, %*

Годы	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2020
Общий экспорт РДВ	21,6	22,9	23,7	32	32
Экспорт РДВ в СВА-3	13,5	17,3	17,7	25,5	24,1

В связи с отсутствием систематической официальной статистики межрегионального вывоза, описать его динамику можно только на основе расчетов исследователей, использовавших различные данные и методы. По мнению дальневосточных экономистов, вывоз РДВ в другие регионы страны, в 1990 г. равный 75% его валового продукта, к середине 1990-х гг. уменьшился до 6%, а к 2000 г. до 4,3% ВРП (Минакир, 2006: 446). На 2009 г., по некоторым оценкам, по-видимому, все же заниженным, объем межрегионального вывоза РДВ определялся в 0,45% его ВРП (Гусев, 2011: 53). В 2010-е гг. под влиянием роста международной напряженности и усилий правительства по реинтеграции РДВ в национальную экономику доля межрегиональной торговли начинает возрастать. Так, по расчетам, выполненным на 2014 г., объем вывоза РДВ в другие регионы России оценивался примерно в 14,9% его валового продукта (Минакир, Исаев, Демьяненко & Прокапало, 2020: 82)¹².

Таким образом, даже учитывая приблизительность и недостаточную сопоставимость приводимых оценок, можно констатировать, что на протяжении подавляющей части постсоветского периода в структуре дальневосточного вывоза его международная составляющая (две трети которой формировал экспорт в СВА-3) как минимум двукратно преобладала над межрегиональной.

Следует отметить, что вплоть до конца 2000-х гг. совокупная доля международного и межрегионального вывоза РДВ в его ВРП (в 1990 г. превышавшая 80%) снижалась. Тем не менее эта тенденция к вынужденной «автаркии» оказалась неустойчивой и неспособной обеспечить подлинную самодостаточность дальневосточного макрорегиона. По мере выхода из трансформационного кризиса и оживления экономики РДВ ее зависимость от вывоза узкой номенклатуры топливно-сырьевой продукции вновь обнаружила свой фундаментальный характер (Изотов, 2020: 130–135). В результате, расширив географию своих поставок и перераспределив основную их долю в направлении СВА-3, РДВ сохранил положение периферии, около половины производства которой обслуживает ресурсные потребности внешних для нее рынков.

¹¹ Источник: составлено автором по данным *Дальневосточное таможенное управление* (n.d.) Годовая динамика субъектов ДФО. Available at: <https://dvtu.customs.gov.ru/folder/235861> (дата обращения: 20.09.2024); *ERINA* (n.d.) Economic Statistics for the Countries of Northeast Asia. Available at: https://www.erina.or.jp/en/data/asia/economic_statistics/ (accessed 20 September 2024); Внешнеэкономическое сотрудничество Дальневосточного федерального округа: Атлас. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2006. С. 14–15.

¹² Авторами использовался близкий к ВРП показатель «валовой стоимости продукции и услуг».

Сходные с торговлей процессы можно было наблюдать в сфере инвестиционных связей РДВ. На рубеже 1980–1990-х гг. доминирующим источником вложений в хронически капиталододефицитный макрорегион оставался государственный бюджет. Объемы иностранных инвестиций в РДВ в этот период были незначительны. В начале 1990-х гг. наметилось увеличение потока иностранных инвестиций, и уже в 2001–2010 гг.¹³ их средняя доля в ВРП РДВ стала сопоставима с суммарной долей инвестиций в макрорегион из федерального бюджета и собственных средств предприятий (см. Таблицу 3).

Таблица 3. Динамика средней доли инвестиций из разных источников в ВРП РДВ в 1996–2020 гг., по пятилетиям, %¹⁴
Table 3. Dynamics of the average share of investments from different sources in the GRP of the Russian Far East in 1996–2020, by five years, %

Годы	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2020
Инвестиции из федерального бюджета	2	2,1	4,5	5	1,7
Инвестиций из собственных средств предприятий	8,8	9,6	10,3	10,5	11,2
Иностранные инвестиции	5	14,1	14	н.д.	н.д.
в т.ч. прямые иностранные инвестиции	3,6	9,5	6,1	5,4	6,9

В 1990-е гг. ведущими донорами такой важнейшей разновидности иностранного капитала как прямые иностранные инвестиции (ПИИ) на РДВ выступали США и Япония. Позднее, по мере все более частого применения офшорных схем, круг государств-доноров расширился, однако и в 2010-е гг. основными источниками офшорных ПИИ на РДВ по-прежнему оставались США и Япония, к которым (вероятно) примыкал Китай (Изотов, 2020: 173).

Напротив, роль вложений из федерального бюджета в развитии РДВ в постсоветский период существенно снизилась. Со второй половины 1990-х гг. их средняя доля в ВРП РДВ стабильно уступала не только общей доле иностранного капитала, но и доле ПИИ.

Характерным трендом в динамике инвестиций на РДВ в 1990–2020 гг. являлся неуклонный рост доли собственных средств предприятий, которые концу изучаемого периода стали ведущим источником инвестиций в основной капитал РДВ. Этот рост был еще одним проявлением вынужденной «автаркии». По сути, он компенсировал дефицит капиталовложений, поступавших

¹³ За последующие годы данные отсутствуют.

¹⁴ Источник: составлено автором по данным ЕМИСС (n.d.) Инвестиции в основной капитал по источникам финансирования. Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/33644> (дата обращения: 20.09.2024); *Регионы России. Социально-экономические показатели [Regions of Russia. Socio-economic indicators]*. М., 1999, 2002, 2005; Банк России (n.d.) Прямые инвестиции в Российскую Федерацию: операции по субъектам, в которых зарегистрированы резиденты. Available at: https://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/dir_inv_reg-in.xlsx (дата обращения: 20.09.2024).

в макрорегион извне, и прежде всего федеральных инвестиций, поток которых, увеличившийся в условиях инициированного Москвой в 2006 г. «поворота на Восток», во второй половине 2010-х гг. с переходом к т.н. селективной политике практически иссяк (Киреев, Золотухин & Левушкина, 2020: 70–71). Вместе с тем дальневосточные предприятия объективно не в состоянии решить проблему дефицита капитала на РДВ, восполнить который могут только совместные действия федерального центра и иностранных инвесторов.

Наряду с диверсификацией торговых и инвестиционных отношений РДВ, результатом либерализации пограничной политики стало изменение пространственной конфигурации его миграционных связей. В частности, это проявилось в миграциях с целью смены постоянного места жительства. Известно, что с 1989 г. миграционное сальдо РДВ является отрицательным. Массовый отток населения с РДВ, как правило, изучается в ракурсе межрегиональных отношений, однако в 1990–2020 гг. постоянной составляющей этого оттока была и международная миграция.

Хотя доля уезжавших за границу среди выбывающих с РДВ в постсоветский период была в целом весьма мала, в 1990-е, а затем в 2010-е гг. имел место ее относительный рост (см. Таблицу 4). При этом если в 1990-е гг. основными направлениями эмиграции дальневосточников являлись такие страны, как Израиль, Германия и США, то в 2010-е гг. они стали чаще выбирать для переезда восточноазиатские государства¹⁵.

Таблица 4. Динамика средней доли выбывших по разным направлениям в населении РДВ в 1996–2020 гг., по пятилетиям, %¹⁶

Table 4. Dynamics of the average share of those who left in different directions in the population of the Russian Far East in 1996–2020, by five years, %

Годы	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2020
Выбывшие в другие регионы России	1,7	1,1	1	1,8	1,8
Выбывшие за пределы России	0,3	0,07	0,04	0,2	0,5

Доля выезжающих из РДВ на постоянное место жительства в США-3 пока слишком мала для того, чтобы рассматривать эти страны в качестве центра миграции, сопоставимого с Европейской Россией. Вместе с тем важно отметить, что, несмотря на сдерживающее воздействие культурно-языковых и политических факторов, география миграционных отношений РДВ постепенно эволюционирует в том же направлении, в котором уже изменилась пространственная структура его экономических связей.

¹⁵ ЕМИСС (n.d.) Число выбывших. Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/43513> (дата обращения: 20.09.2024).

¹⁶ Источник: составлено автором по данным ЕМИСС (n.d.) Число выбывших. Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/43513> (дата обращения: 20.09.2024).

С этой точки зрения еще более показательна динамика такой разновидности миграционных потоков, как туристические. Данные систематической статистики этой динамики доступны лишь с середины 2000-х гг. Из Таблицы 5 следует, что в 2006–2020 гг. наиболее существенную долю в населении РДВ составляла категория туристов, отправлявшихся в зарубежные туры. В разные пятилетия их доля превосходила по величине долю туристов, отправлявшихся в туры по России, от 3,4 до 14,7 раз. Примечательно также, что среди отправлявшихся с РДВ за рубеж туристов стабильно преобладали выезжавшие в Китай. Преобладание китайского направления в дальневосточном выездном туризме остается неоспоримым даже с учетом существования такого явления как «псевдотуризм», основную часть которого формируют поездки лиц, занятых в «челночной торговле»¹⁷.

В последние годы снижение курса рубля, а затем и антиковидная барьеризация границ привели к заметному ослаблению потока международных туристов из макрорегиона. Тем не менее эти ситуативные факторы едва ли способны стать причиной тому, чтобы азиатские страны и прежде всего Китай сошли с уже прочно занятого ими места главного центра притяжения для туристов РДВ.

Таблица 5. Динамика средней доли туристов, отправленных в туры по разным направлениям, в населении РДВ в 2006–2020 гг., по пятилетиям, %¹⁸

Table 5. Dynamics of the average share of tourists sent on tours in different directions in the population of the Russian Far East in 2006–2020, by five years, %

Годы	2006–2010	2011–2015	2016–2020
Туристы, отправленные в туры по России	0,8	0,8	0,7
Туристы, отправленные в зарубежные туры	11,8	8,2	2,4
в т.ч. отправленные в туры по Китаю	10,8	4,4	1,3

Таким образом, при всей автономности своей динамики миграционные отношения РДВ так же, как и его торговые и инвестиционные связи, испытали на себе определенное гравитационное воздействие стран СВА-3. Социальные эффекты (уровень доходов и потребления, плотность социальной инфраструктуры) высокого экономического развития Японии, РК, а с конца 2000-х гг. во все большей степени и Китая, в постсоветский период сделали эти страны одним из самых привлекательных направлений безвозвратной и туристической миграции дальневосточников.

¹⁷ До середины 2000-х гг. «челноки» могли составлять, по разным оценкам, от 30 до 70% турпотока, направлявшегося с РДВ в Китай, однако с конца 2000-х гг., в т.ч. ввиду ужесточения российской пограничной политики, их доля в этом потоке существенно снизилась. См. Ларин, 2011: 94, 105.

¹⁸ Источник: составлено автором по данным: ЕМИСС (n.d.) Число отправленных в туры российских туристов. Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/31591> (дата обращения: 20.09.2024).

Заключение

К концу советской эпохи дальневосточный макрорегион очевидным образом представлял собой периферийную часть страны, которая по многим социально-экономическим показателям отставала не только от Европейской России, но и от Сибири, а также в критической степени зависела от стабильных отношений с ними. Вместе с тем в долгосрочном масштабе, благодаря целенаправленной перераспределительной политике государства, мера отставания Дальнего Востока от макрорегионов к западу от него постепенно сокращалась.

На рубеже 1980–1990-х гг. государство взяло курс на интеграцию РДВ в АТР. Этот курс, проводившийся в целях ускорения развития макрорегиона, в последующие десятилетия кардинально изменил положение РДВ, но далеко не так, как это планировалось его инициаторами.

Прежде всего, отставание РДВ по уровню комплексного развития от России и ключевых соседей по АТР (Китая, РК, Японии) за три постсоветских десятилетия не уменьшилось, но увеличилось. С 1990 по 2020 гг. величина разрыва между ними в значениях показателей плотности ВРП, населения и инвестиций существенно возросла.

Впрочем, самые важные изменения произошли в структуре отношений дальневосточного макрорегиона. В постсоветский период в вывозе продукции РДВ так же, как и во ввозе в макрорегион капитала на первое место вышли трансграничные потоки. Одновременно и в торговле, и в инвестициях усилилась роль сырьевого сектора. Так, в конце третьего десятилетия в экспорте РДВ резко преобладали углеводороды, металлы, лес и рыба, а большая часть иностранных инвестиций направлялась на их добычу и транспортировку. К 2020 г. в дальневосточном экспорте превалировали рынки СВА-3, а среди источников иностранного капитала СВА-3 делили доминирующую позицию с США и ЕС.

В миграционных отношениях историческим результатом постсоветского периода явилось превращение РДВ из центра переселенческой миграции в зону депопуляции. Хотя отток жителей РДВ имел преимущественно межрегиональный характер, в 1990–2020 гг. в нем усилился и международный компонент, в котором лидирует доля СВА. Масштабной реструктуризации в 1990–2020 гг. подверглись и туристические связи РДВ. Если в начале данного периода в их структуре доминировал внутренний туризм, то к его окончанию главным направлением туристических поездок дальневосточников стали страны зарубежной Азии, ведущее место среди которых со второй половины 2000-х гг. занял Китай.

Таким образом, к настоящему времени в торговых и туристических связях двойная периферийность дальневосточного макрорегиона (в отношении СВА-3 и России) в целом является свершившимся фактом. В сферах же

инвестиций и долгосрочной миграции при существующих тенденциях СВА-3 может стать для РДВ сопоставимым с Россией по силе зависимости центром в среднесрочном будущем.

Необходимо еще раз подчеркнуть: двойная периферийность как таковая – это не синоним маргинальности и депрессивности. В конечном счете важно не количество центров, а то, обладает ли периферия возможностями для развития, что, в свою очередь, определяется характером ее отношений с этими центрами. Ключевая проблема РДВ состоит в том, что в 1990–2010-х гг. оба центра отводили ему, по сути, одну и ту же роль – поставщика узкого набора продуктов низкого передела. Предельно упрощенная структура центр-периферийных отношений воспроизводила соответствующую ей внутреннюю социально-экономическую структуру макрорегиона, которая не оставляла места не только для его качественного развития, но и для достаточно быстрого количественного роста.

Актуальное состояние РДВ не дает оснований рассчитывать на скорое достижение им самодостаточности. Тем не менее сценарий периферии развивающегося, а не стагнирующего типа для РДВ по-прежнему возможен. Его вероятность будет обусловлена, прежде всего, действиями российского центра дальневосточной периферии в лице федеральной власти.

Переход РДВ к новой, более перспективной модели периферийности возможен при условии, что федеральная политика в макрорегионе будет нацелена на выполнение следующих основных задач:

1) Географическая диверсификация внешних отношений РДВ. Макрорегиону необходимо преодолеть чрезмерную сфокусированность на СВА-3 и особенно все более доминирующем в «большой тройке» Китае, усиливая связи с другими странами Азии (включая ЮВА¹⁹ и Индию), уровни развития которых более сопоставимы с ним;

2) Балансирование внутренней (товарной, отраслевой, секторальной) структуры отношений РДВ с внешним миром. Место РДВ в межрегиональных и международных отношениях не должно определяться динамикой спроса на четыре-пять типов сырьевых продуктов²⁰. Расширение состава предложения дальневосточных товаров и услуг является условием и географической диверсификации контрагентов РДВ, и большей уравновешенности, симметричности (в категориях добавленной стоимости) отношений с ними;

3) Содействие формированию устойчивых центр-периферийных отношений внутри макрорегиона. Без повышения внутренней интегрированности РДВ за счет агломерирования локальных узлов и «точек роста» вокруг ряда региональных центров, выполняющих роль порталов и регуляторов

¹⁹ С точки зрения долгосрочных тенденций, наиболее перспективно развитие торговых, инвестиционных и миграционных связей с такими странами ЮВА как Таиланд, Малайзия, Индонезия, Сингапур и Вьетнам. См. Байков & Гневашева, 2020.

²⁰ В настоящее время это нефть и нефтепродукты, газы нефтяные, рыба и морепродукты, древесина.

в отношениях с внешним миром (Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, Южно-Сахалинск), его превращение в самостоятельного субъекта развития и международной кооперации невозможно.

Следует подчеркнуть, что названные и иные задачи социально-экономической политики в макрорегионе могут быть успешно реализованы только при условии существенной корректировки самого порядка управления РДВ. Сегодня уже вполне очевидно, что прежняя стратегия «поворота на Восток» (в том виде, в каком она осуществлялась в ДФО) исчерпала себя (Савченко & Зуенко, 2020: 121; Киреев, 2019: 166–169). «Селективный» подход, являвшийся базовым для этой стратегии с начала 2010-х гг., был направлен на создание в макрорегионе с помощью институтов развития архипелага полюсов роста. Последовательно развернутый впервые в Госпрограмме 2014 г.²¹ (появившейся в условиях резкого сокращения возможностей бюджетных вложений в макрорегион) селективный подход к РДВ оставался основой и всех касавшихся его последующих плановых документов, включая Стратегию пространственного развития РФ 2019 г.²² и Национальную программу социально-экономического развития Дальнего Востока 2020 г.²³ Подобная политика точечного стимулирования в конечном итоге была призвана решить задачу межрегионального «выравнивания», а точнее приближения дальневосточной периферии к социально-экономическим показателям европейского центра страны. Тем не менее селективный подход, предполагающий приоритет рыночных механизмов развития и рассчитанный на интенсивный приток частных, в особенности иностранных инвестиций, так и не смог обеспечить макрорегиону опережающие темпы роста ВРП. Как представляется, это было обусловлено переоценкой готовности иностранных инвесторов (в т.ч. из «дружественных» стран) вкладывать капиталы в «точки роста» РДВ, для экономики которого характерны такие специфические ограничения как разреженность социально-экономического пространства, повышенный уровень производственных и транспортных издержек, узость внутреннего рынка.

Глобальный политический кризис 2022 г., заблокировавший трансграничный потенциал западного порубежья России, кардинально меняет геоэкономический и геополитический статус РДВ. Став на длительную перспективу, по сути, главным окном России в мир, Дальний Восток требует иного подхода к своему развитию. На смену селективной политике локальных преференций должна прийти политика «площадного» планового переосвоения,

²¹ Правительство России (2014) Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона». Available at: <http://government.ru/media/files/RoWSHHM7NUM.pdf> (дата обращения: 20.09.2024).

²² Министерство экономического развития Российской Федерации (2019) Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 года. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/raspozgazhenie_ot_13_fevralya_2019_g_207_r.html (дата обращения: 20.09.2024).

²³ Правительство России (2020) Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года. Available at: <http://static.government.ru/media/files/NAISPJ8QMRZUPd9LIMWJoeVhn16eGqD.pdf> (дата обращения: 20.09.2024).

комплексной реиндустриализации макрорегиона. Долгосрочным ориентиром для этого курса, основанного на едином для всего ДФО (но территориально дифференцированном) административно-правовом режиме, должна быть не просто модель развивающейся, догоняющей центр периферии, но появление на тихоокеанском побережье России (прежде всего, на юге РДВ) второго, восточного ядра страны. Ключевым критерием возникновения этого ядра будет формирование у него собственной социально-экономической периферии²⁴, по отношению к которой данное ядро способно быть источником ускорения развития. Важной проблемой в этой связи является обоснованный выбор отраслевого профиля, в рамках которого возникающий центр может транслировать модернизационный импульс, агрегируя и перерабатывая сырье и полуфабрикаты своей периферии и взаимовыгодно (в т.ч. для всех сторон центр-периферийных отношений) участвуя в международном разделении труда. По мнению автора, таким профилем может стать морехозяйственная экономика, охватывающая быстрорастущий спектр направлений ресурсного (добыча минеральных и биологических ресурсов вод, шельфа и дна), инфраструктурного (транспорт и расселение) и технологического (морское машиностроение и робототехника) освоения Мирового океана.

Список литературы

1. Анохин А.А., Кузин В.Ю. (2019) Подходы к выделению периферии и периферизация в пространстве современной России. *Известия Русского географического общества* 1(151): 3–16. DOI: 10.31857/S0869-607115113-16.
2. Байков А.А., Гневашева В.А. (2020) Эконометрические оценки «поворота России на Восток»: опыт многофакторного анализа. *Вестник МГИМО-Университета* 6(13): 175–207. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-6-75-175-207.
3. Гусев А. (2011) Ослабленная экономическая интеграция регионов России – угроза территориальной целостности страны. *Общество и экономика* 10: 50–66.
4. Зотова М.В., Себенцов А.Б., Головина Е.Д. (2015) Калининградская область в окружении Европейского союза: приграничное сотрудничество и социально-экономические контрасты. *Вестник Забайкальского государственного университета* 3(118): 145–157.
5. Изотов Д.А. (2020) *Экономическая интеграция России со странами АТР: проблемы и перспективы*. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН.
6. Ильин М.В., Барсукова А.В. (2019) Концептуальная карта Европы Стейна Роккана. Развертывание в пространстве и времени. *Международные процессы* 4(59): 6–21. DOI: 10.17994/IT.2019.174.59.1.
7. Киреев А.А. (2019) Структурные стимулы и ограничения политики развития российского Дальнего Востока. *Проблемы национальной стратегии* 4: 156–171.
8. Киреев А.А., Золотухин И.Н., Левушкина А.О. (2020) Макрорегиональная система институтов развития как фактор трансграничных отношений российского Дальнего Востока. *Государственное управление. Электронный вестник* 81: 66–90. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10079.

²⁴ Потенциальной периферией для юга РДВ, помимо северных территорий макрорегиона, являются тяготеющие к Тихому и Ледовитому океанам регионы Восточной и Западной Сибири, такие страны СВА, как Монголия и КНДР, а также ряд стран ЮВА.

9. Котляков В.М., Швецов А.Н., Глезер О.Б. (ред.) (2020) *Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке*. М.: Товарищество научных изданий КМК.
10. Кузнецова О.В., Кузнецов А.В. (2016) *Системная диагностика экономики региона*. М.: URSS.
11. Ларин В.Л. (2011) *Тихоокеанская Россия в контексте внешней политики и международных отношений в АТР в начале XXI в.: избранные статьи и доклады*. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН.
12. Межевич Н.М., Болотов Д.А. (2021) Двойная периферия: феномен российско-белорусского пограничья. *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития* 1(64): 117–122.
13. Минакир П.А. (2006) *Экономика регионов. Дальний Восток*. М.: ЗАО «Издательство «Экономика».
14. Минакир П.А. (2022) *Исследования проблем международных экономических взаимодействий: глобальные, национальные, региональные аспекты: монография*. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН.
15. Минакир П.А., Исаев А.Г., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. (2020) Экономические макрорегионы: интеграционный феномен или политико-географическая целесообразность? Случай Дальнего Востока. *Пространственная экономика* 1(16): 66–99. DOI: 10.14530/se.2020.1.066–099.
16. Миньяр-Белоручев К.В. (2019) Ядро и периферия системы международных отношений: характер взаимодействия. *Новая и новейшая история* 6: 5–18. DOI: 10.31857/S013038640007606–4.
17. Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. (2014) Центры и периферия в странах Балтии и регионах Северо-Запада России: динамика населения в 2000–е годы. *Балтийский регион* 2(20): 62–80. DOI: 10.5922/2074-9848-2014-2-4.
18. Преображенский Ю.В. (2016) Подходы к выявлению Центра и Периферии. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле* 4(16): 216–221. DOI: 10.18500/1819-7663-2016-16-4-216-221.
19. Савченко А.Е., Зуенко И.Ю. (2020) Движущие силы российского поворота на Восток. *Сравнительная политика* 11(1): 111–125. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10009.
20. Смородинская Н.В. (2001) Калининград в условиях объединения Европы: вызов и ответ. *Вопросы экономики* (11): 106–127.
21. Трейвиш А.И., Литвиненко Т.В. (2014) Восточная Россия: уточнение понятия и некоторые особенности современного развития. *Региональные исследования* 3(45): 51–57.
22. Федоров Г.М. (2010) Калининградская дилемма: «коридор развития» или «двойная периферия»? Геополитический фактор развития российского эксклава на Балтике. *Балтийский регион* 2(4): 5–15.
23. Чернова Л.С. (2013) Взаимосвязь типологии субъектов Российской Федерации и методов оценки экономического развития страны. *Проблемы прогнозирования* 2(137): 127–139.
24. Barbero J., Rodríguez-Crespo E. (2022) Technological, institutional, and geographical peripheries: regional development and risk of poverty in the European regions. *Ann. Reg. Sci* 69: 311–332. DOI: 10.1007/s00168-022-01127-9.
25. Börzel T.A., Risse-Kappen T. (eds.) (2016) *The Oxford handbook of Comparative Regionalism*. Oxford: Oxford University Press.
26. Chilcote R. (2019) *Theories of Comparative Politics*. London: Routledge, Taylor & Francis Group.
27. Friedmann J. (1966) *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. MIT Press.
28. Gower J. (2000) EU–Russian relations and the eastern enlargement: Integration or isolation? *Perspectives on European Politics and Society* 1(1): 75–93. DOI: 10.1080/1570585008458744.
29. Hägerstrand T. (1967) *Innovation Diffusion as a Spatial Process*. Chicago: University of Chicago Press.

30. Kaps K., Komlosy A. (2013) Centers and Peripheries Revisited: Polycentric Connections or Entangled Hierarchies? *Review (Fernand Braudel Center)* 3–4(36): 237–264.
31. Kuhrt N. (2012) The Russian Far East in Russia's Asia Policy: Dual Integration or Double Periphery? *Europe-Asia Studies* 3(64): 471–493. DOI: 10.1080/09668136.2012.661926.
32. Lang T., Henn S., Sgibnev W., Ehrlich K. (2015) *Understanding Geographies of Polarization and Peripheralization: Perspectives from Central and Eastern Europe and Beyond*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
33. Mikhailova E., Wu C.-T. (2022) Urban Shrinkage in the Double Periphery: Insights from the Sino-Russian Borderland. In: Wu C.-T., Gunko M., Strykiewicz T., Zhou K. (eds.) *Shrinking Cities in China, Russia and East-Central Europe. Post-Socialist Diversity*. P. 115–133.
34. Wallerstein I. (1997) *The capitalist world-economy: essays*. Cambridge: Cambridge University Press; Paris, Editions de la Maison des Sciences de l'Homme.
35. Zverev Y. (2007) Kaliningrad: Problems and paths of development. *Problems of Post-Communism* 2(54): 9–25.

Comparative Politics. Volume 15. No. 4. October–December / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-4-15-2

REGION AS A "DOUBLE PERIPHERY" (ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN FAR EAST)

Dr. Anton A. KIREEV – Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University.

ORCID: 0000-0003-0274-4030. E-mail: antalkir@yandex.ru
10, Ajax, Russky Island, Vladivostok, Russia, 690922.

Received February 22, 2024

Accepted June 16, 2024

Abstract: The study of "double peripheries" is a new area of center-periphery research, the development of which is currently hampered by several methodological difficulties, including the problems of conceptualization and empirical interpretation of the "double periphery" as a scientific concept. Citing Russian Far East as an example, the article attempts to provide methodologically founded identification of a specific double periphery. Drawing on the results of contemporary center-periphery studies, the paper advances a working definition of a double periphery. This allows for identifying statistical indicators that are necessary to assess whether a socio-geographical object belongs to the peripheries of the named type. After that the author conducts a comparative historical analysis of quantitative data on the societal potential of the Russian Far East in 1990–2020 and the dynamics of its trade, investment and migration ties. The analysis concludes that the macroregion represents a double periphery which has developed in the post-Soviet period in relation to the NEA-3 countries (China, Japan, the Republic of Korea) and Russia. Today it is most clearly manifested in the export of goods and outbound tourism. Finally, the article outlines possible ways to stimulate development of the Far Eastern macroregion under the objective constraints imposed by its peripheral position. The implication to be made is that it is necessary to move from the selective policy of local preferences, which has been carried out since the beginning of the 2010s, to the areal planned development of the Russian Far East based on the introduction of a special administrative regime on the its territory.

Keywords: center-periphery relations, double periphery, regional development, regional policy, border, transborder relations, Russian Far East, Northeast Asia

References:

1. Anokhin A.A., Kuzin V.Yu. (2019) Podkhody k vydeleniyu periferii i periferizatsiya v prostranstve sovremennoy Rossii [Approaches to identifying the periphery and periphery in the space of modern Russia]. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva [News of the Russian Geographical Society]* 1(151): 3–16. DOI: 10.31857/S0869-607115113-16. (In Russian).
2. Barbero J., Rodríguez-Crespo E. (2022) Technological, institutional, and geographical peripheries: regional development and risk of poverty in the European regions. *Ann. Reg. Sci* 69: 311–332. DOI: 10.1007/s00168-022-01127-9.
3. Baykov A.A., Gnevasheva V.A. (2020) Ekonometricheskiye otsenki «povorota Rossii na Vostok»: opyt mnogofaktornogo analiza [Econometric assessments of "Russia's turn to the East": experience of multifactor analysis]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]* 6(13): 175–207. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-6-75-175-207. (In Russian).
4. Börzel T.A., Risse-Kappen T. (eds.) (2016) *The Oxford handbook of Comparative Regionalism*. Oxford: Oxford University Press.
5. Chernova L.S. (2013) Vzaimosvyaz' tipologii sub'yektov Rossiyskoy Federatsii i metodov otsenki ekonomicheskogo razvitiya strany [The relationship between the typology of constituent entities of the Russian Federation and methods for assessing the economic development of the country]. *Problemy prognozirovaniya [Problems of Forecasting]* 2(137): 127–139. (In Russian).
6. Chilcote R. (2019) *Theories of Comparative Politics*. London: Routledge, Taylor & Francis Group.
7. Fedorov G.M. (2010) Kaliningradskaya dilemma: "koridor razvitiya" ili «dvoynaya periferiya»? Geopoliticheskiy faktor razvitiya rossiyskogo eksklava na Baltike [Kaliningrad dilemma: "development corridor" or "double periphery"? Geopolitical factor in the development of the Russian exclave in the Baltic]. *Baltiyskiy region [Baltic Region]* 2(4): 5–15. (In Russian).
8. Friedmann J. (1966) *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. MIT Press.
9. Gower J. (2000) EU–Russian relations and the eastern enlargement: Integration or isolation? *Perspectives on European Politics and Society* 1(1): 75–93. DOI 10.1080/1570585008458744.
10. Gusev A. (2011) Oslablennaya ekonomicheskaya integratsiya regionov Rossii – ugroza territorial'noy tselostnosti strany [Weakened economic integration of Russian regions is a threat to the territorial integrity of the country]. *Obshchestvo i ekonomika [Society and Economics]* 10: 50–66. (In Russian).
11. Hägerstrand T. (1967) *Innovation Diffusion as a Spatial Process*. Chicago: University of Chicago Press.
12. Ilyin M.V., Barsukova A.V. (2019) Kontseptual'naya karta Yevropy Steyna Rokkana. Razvertyvaniye v prostranstve i vremeni [Conceptual map of Europe by Stein Rokkan. Deployment in space and time]. *Mezhdunarodnyye protsessy [International Trends]* 4(59): 6–21. DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.1. (In Russian).
13. Izotov D.A. (2020) *Ekonomicheskaya integratsiya Rossii so stranami ATR: problemy i perspektivy [Economic integration of Russia with the countries of the Asia-Pacific region: problems and prospects]*. Khabarovsk: IEI DVO RAN. (In Russian).
14. Kaps K., Komlosy A. (2013) Centers and Peripheries Revisited: Polycentric Connections or Entangled Hierarchies? *Review (Fernand Braudel Center)* 3–4(36): 237–264.
15. Kireyev A.A. (2019) Strukturnyye stimuly i ogranicheniya politiki razvitiya rossiyskogo Dal'nego Vostoka [Structural incentives and limitations of development policy in the Russian Far East]. *Problemy natsional'noy strategii [National Strategy Issues]* 4: 156–171. (In Russian).

16. Kireyev A.A., Zolotukhin I.N., Levushkina A.O. (2020) Makroregional'naya sistema institutov razvitiya kak faktor transgranichnykh otnosheniy rossiyskogo Dal'nego Vostoka [Macroregional system of development institutions as a factor in cross-border relations in the Russian Far East]. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik [Public administration. Electronic Bulletin]* 81: 66–90. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10079. (In Russian).
17. Kotlyakov V.M., Shvetsov A.N., Glezer O.B. (eds.) (2020) *Vyzovy i politika prostranstvennogo razvitiya Rossii v XXI veke [Challenges and policies of spatial development of Russia in the 21st century]*. M.: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK [Partnership of scientific publications KMK]. (In Russian).
18. Kuhrt N. (2012) The Russian Far East in Russia's Asia Policy: Dual Integration or Double Periphery? *Europe-Asia Studies* 3(64): 471–493. DOI: 10.1080/09668136.2012.661926.
19. Kuznetsova O.V., Kuznetsov A.V. (2016) *Sistemnaya diagnostika ekonomiki regiona [System diagnostics of the regional economy]*. M.: URSS. (In Russian).
20. Lang T., Henn S., Sgibnev W., Ehrlich K. (2015) *Understanding Geographies of Polarization and Peripheralization: Perspectives from Central and Eastern Europe and Beyond*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
21. Larin V.L. (2011) *Tikhookeanskaya Rossiya v kontekste vneshney politiki i mezhdunarodnykh otnosheniy v ATR v nachale XXI v.: izbrannyye stat'i i doklady [Pacific Russia in the context of foreign policy and international relations in the Asia-Pacific region at the beginning of the 21st century: selected articles and reports]*. Vladivostok: IIAE DVO RAN. (In Russian).
22. Mezhevich N.M., Bolotov D.A. (2021) Dvoynaya periferiya: fenomen rossiysko-belorusskogo pogranič'ya [Double periphery: the phenomenon of the Russian-Belarusian borderland]. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya [Economy of the North-West: problems and development prospects]* 1(64): 117–122. (In Russian).
23. Mikhailova E., Wu C.-T. (2022) Urban Shrinkage in the Double Periphery: Insights from the Sino-Russian Borderland. In: Wu C.-T., Gunko M., Strykiewicz T., Zhou K. (eds.) *Shrinking Cities in China, Russia and East-Central Europe. Post-Socialist Diversity*. P. 115–133.
24. Minakir P.A. (2006) *Ekonomika regionov. Dal'niy Vostok [Regional Economics. Far East]*. M.: ZAO Publishing House «Economy». (In Russian).
25. Minakir P.A. (2022) *Issledovaniya problem mezhdunarodnykh ekonomicheskikh vzaimodeystviy: global'nyye, natsional'nyye, regional'nyye aspekty: monografiya [Research on the problems of international economic interactions: global, national, regional aspects: monograph]*. Khabarovsk: IEI DVO RAN. (In Russian).
26. Minakir P.A., Isayev A.G., Dem'yanenko A.N., Prokapalo O.M. (2020) Ekonomicheskiye makroregiony: integratsionnyy fenomen ili politiko-geograficheskaya tselesoobraznost'? Sluchay Dal'nego Vostoka [Economic macroregions: integration phenomenon or political-geographical expediency? The case of the Far East]. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]* 1(16): 66–99. DOI: 10.14530/se.2020.1.066-099. (In Russian).
27. Min'yar-Beloručev K.V. (2019) Yadro i periferiya sistemy mezhdunarodnykh otnosheniy: kharakter vzaimodeystviya [Core and periphery of the system of international relations: the nature of interaction]. *Novaya i noveyshaya istoriya [New and Contemporary History]* 6: 5–18. DOI: 10.31857/S013038640007606-4. (In Russian).
28. Mkrtchyan N.V., Karachurina L.B. (2014) Tsentry i periferiya v stranakh Baltii i regionakh Severo-Zapada Rossii: dinamika naseleniya v 2000-ye gody [Centers and peripheries in the Baltic countries and regions of North-West Russia: population dynamics in the 2000s]. *Baltiyskiy region [Baltic Region]* 2(20): 62–80. DOI: 10.5922/2074-9848-2014-2-4. (In Russian).
29. Preobrazhenskiy YU.V. (2016) Podkhody k vyavleniyu Tsentra i Periferii [Approaches to identifying the Center and Periphery]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Nauki o Zemle [News of Saratov University. New episode. Series: Geosciences]* 4(16): 216–221. DOI: 10.18500/1819-7663-2016-16-4-216-221. (In Russian).

30. Savchenko A.Ye., Zuyenko I.Yu. (2020) Dvizhushchiye sily rossiyskogo povorota na Vostok [Driving forces of the Russian turn to the East]. *Sravnitel'naya politika [Comparative Politics]*11(1): 111–125. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10009. (In Russian).
31. Smorodinskaya N.V. (2001) Kaliningrad v usloviyakh ob»yedineniya Yevropy: vyzov i otvet [Kaliningrad in the context of European unification: challenge and response]. *Voprosy ekonomiki [Economic Issues]*(11): 106–127. (In Russian).
32. Treyvish A.I., Litvinenko T.V. (2014) Vostochnaya Rossiya: utochneniye ponyatiya i nekotoryye osobennosti sovremennogo razvitiya [Eastern Russia: clarification of the concept and some features of modern development]. *Regional'nyye issledovaniya [Regional Studies]* 3(45): 51–57. (In Russian).
33. Wallerstein I. (1997) *The capitalist world-economy: essays*. Cambridge: Cambridge University Press; Paris, Editions de la Maison des Sciences de l'Homme.
34. Zotova M.V., Sebentsov A.B., Golovina Ye.D. (2015) Kaliningradskaya oblast' v okruzhenii Yevropeyskogo soyuza: prigranichnoye sotrudnichestvo i sotsial'no-ekonomicheskiye kontrasty [Kaliningrad region surrounded by the European Union: cross-border cooperation and socio-economic contrasts]. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Transbaikal State University]*3(118): 145–157. (In Russian).
35. Zverev Y. (2007) Kaliningrad: Problems and paths of development. *Problems of Post-Communism* 2(54): 9–25.